

Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя.

Важнѣйшими своими произведеніями Н. В. Гоголь принадлежитъ общерусской литературѣ и, по общему почти признанію, положилъ начало новому реально-историческому направленію ея. Но первоначальными и вообще болѣе ранними произведеніями своими онъ непосредственно примыкаетъ къ своей родной южно-русской литературѣ, только-что начинавшей свое особое развитіе подъ вліяніемъ литературъ сосѣднихъ народовъ. Несмотря на сравнительную слабость этихъ первыхъ опытовъ художественнаго творчества Н. В. Гоголя, они, тѣмъ не менѣе, имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи развитія таланта этого поэта, такъ какъ постепенно обнаруживаютъ въ себѣ проблески того реального направленія русской литературы, главнымъ представителемъ котораго онъ явился съ теченіемъ времени. Для юга Россіи, или Малороссіи, раннія произведенія Гоголя имѣютъ и специальное мѣстное этнографическое значеніе, поскольку въ нихъ отразился племенной малороссійскій элементъ, дающій особенную окраску и всей новѣйшей украинской литературѣ.

Но мнѣнія о достоинствѣ раннихъ произведеній Н. В. Гоголя, почерпавшихъ свое содержаніе изъ украинскаго быта и украинскихъ народныхъ воззрѣній, расходились и расходятся въ разныя, противоположныя стороны. Великорусская читающая публика и критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, встрѣтили раннія произведенія Н. В. Гоголя съ восторгомъ. По выходѣ въ свѣтъ „Вечеровъ на хуторѣ“, А. С. Пушкинъ писалъ о нихъ слѣдующее: „сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападуть на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieux ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ,—и все это слогомъ камердинера, профессора Тредьяковскаго“¹⁾. Да и въ украинской литературѣ появились талантливые подражатели украинскимъ произведеніямъ Гоголя, а именно, Евг. Павл. Гребенка и Ал. Петр. Стороженко²⁾. Но впослѣдствіи времени нѣкоторые украинскіе писатели пытались умалить значеніе украинскихъ повѣстей Н. В. Гоголя. „Конечно—говоритъ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ)—Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ; но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, еще было бы лучше“. А Булишъ,

¹⁾ Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г., стр. 189.

²⁾ Тамъ же, стр. 203 и 211.

въ предисловіи къ историческому роману своему „Черная Рада“ и въ „Обзорѣ украинской литературы“ въ журналѣ „Основа“, произнесъ строгій приговоръ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта. Сущность этого приговора состоитъ въ томъ, что Гоголь не зналъ, будто-бы, въ достаточной мѣрѣ своего народа и невѣрно изобразилъ его въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ, и что онъ подкупилъ сѣверно-русское общество въ свою пользу блескомъ зиждущей фантазій, аффектаціею и, пожалуй, новостью предмета. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь сквозь театральность и искусственность только какъ-бы случайно, какъ будто мимо вѣдома самого автора. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню онъ изучилъ далеко неполнѣ. Отъ этого любовники простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-напросто словами извѣстныхъ каждому пѣсень.—Суровый приговоръ г. Кулиша надъ произведеніями Н. В. Гоголя изъ малорусской жизни нашель себѣ энергическій отпоръ въ статьяхъ М. А. Максимовича, который, самъ будучи другомъ—пріятелемъ Гоголя и глубокимъ знатокомъ украинскаго языка и быта, утверждалъ, что Гоголь зналъ свое украинское нарѣчіе основательно и владѣлъ имъ въ совершенствѣ, и что онъ очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ. Тѣмъ не менѣе, и послѣ апологіи Максимовича нѣкоторые украинскіе писатели продолжаютъ недружелюбно смотрѣть на произведенія Гоголя изъ малорусскаго быта и малорусской исторіи. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ малороссійскихъ писателей, коснувшись „Тараса Бульбы“, безъ церемоніи называетъ Гоголя „нетямущимъ“, т. е. почти-что безтолковымъ ¹⁾.

¹⁾ Оч. ист. укр. лит. XIX ст., Н. И. Петрова, стр. 189—194.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, когда Н. В. Гоголь выступалъ на литературное поприще, фольклоръ едва только начиналъ прививаться на русской почвѣ, и самъ Гоголь былъ однимъ изъ первыхъ его пионеровъ и прошелъ нѣсколько стадій своего развитія въ этомъ направленіи. При своей геніальности и громадной наблюдательности, Н. В. Гоголь еще съ дѣтства впиталъ въ себя впечатлѣнія окружавшей его южной природы, украинскаго быта и украинской народной поэзіи, сохранившіяся въ его душѣ на цѣлую жизнь. Но это дорогое наслѣдіе не осталось у него мертвымъ капиталомъ, а получило значительное приращеніе и дальнѣйшее развитіе. Отецъ нашего писателя, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь написалъ, какъ извѣстно, двѣ комедіи изъ малороссійскаго народнаго быта: „Овца—собака“ и „Романъ и Параска“, которыя весьма рано стали извѣстны и его знаменитому сыну, и тѣмъ предрасположилъ послѣдняго къ сознательному художественному воспроизведенію простонародной украинской жизни. Ближайшими причинами проявленія художественной дѣятельности Н. В. Гоголя въ этомъ направленіи послужили, съ одной стороны, переводная (а можетъ быть, и оригинальная) новоромантическая литература, въ лицѣ такихъ видныхъ представителей ея, каковы Коцебу, Гофманъ, Бюргеръ, Тикъ, Фоссъ и др., съ элементомъ мечтательнаго, таинственнаго и чудеснаго, а съ другой стороны—симпатіи и интересъ тогдашняго столичнаго общества къ Малороссіи, какъ неисчерпаемому родному источнику чудеснаго и таинственнаго въ романтическомъ вкусѣ. Въ 1829 году Н. В. Гоголь, проживая въ Петербургѣ, проситъ свою мать выслать ему малорусскія комедіи своего отца „Овца—собака“ и „Романъ и Параска“, для представленій на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ прислать ему описаніе обычаевъ, обрядовъ и повѣрій малорусскихъ, по опредѣленной программѣ. Плодомъ литера-

турной переработки этихъ матеріаловъ были „Сорочинская ярмарка“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ и др. ¹⁾.

Такимъ образомъ, Н. В. Гоголь первоначально обратилъ свое вниманіе на малорусскій этнографическій элементъ чисто въ литературныхъ видахъ, какъ на источникъ чудеснаго и таинственнаго въ романтическомъ вкусѣ. При этомъ онъ строго не различалъ между чисто народными произведениями и между легендами. Но съ теченіемъ времени Н. В. Гоголь въ своемъ изученіи и пониманіи малорусскаго этнографическаго элемента сталъ приближаться къ позднѣйшему научному фольклору. Въ 1831 году г. Сомовъ (Порфирій Крайскій) писалъ М. А. Максимовичу слѣдующее о Гоголѣ: „у Гоголя есть много малороссійскихъ пѣсенъ, побасенокъ, сказокъ и проч. и проч., коихъ я еще ни отъ кого ни слыхивалъ,—и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку... Онъ—человѣкъ съ отличными дарованіями и знаетъ Малороссію, какъ пять своихъ пальцевъ“ ²⁾. Пріѣзды Гоголя въ Малороссію, по лѣтамъ, въ 1832 и 1835 годахъ, дали ему возможность расширить имѣвшійся у него запасъ свѣдѣній о Малороссіи новыми непосредственными впечатлѣніями ³⁾. Въ 1834 году Н. В. Гоголь печатаетъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ свою статью „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, въ которой сравнительно вѣрно понимаетъ и объясняетъ литературное значеніе пѣсеннаго народнаго творчества и такимъ образомъ является однимъ изъ раннихъ представителей малороссійскаго фольклора ⁴⁾. Нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ Гоголемъ или другими для него, впоследствии вошли въ составъ сборника Метлинскаго: „Народныя южно-руссія

¹⁾ „Матеріалы для біографіи Гоголя“, В. И. Шенрока, т. I, 1892 г., стр. 175, 176 и 258.

²⁾ Тамъ же, т. III, 1895 г., стр. 537.

³⁾ Тамъ же, I, 256.

⁴⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изд. подъ редакціей Н. С. Тихонравова, Москва, 1889 г., т. V, стр. 286—294 и 601—602.

пѣсни“, 1854 года ¹⁾). Въ 1838—1839 годахъ Гоголь опять занимается изученіемъ малорусскихъ пѣсень и историческихъ думъ по сборнику Лукашевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письменными источниками по исторіи Малороссіи ²⁾). Плодомъ этого новаго и болѣе тщательнаго изученія малорусскихъ народныхъ пѣсень и думъ, въ связи съ изученіемъ малорусскихъ лѣтописей и хроникъ, въ литературномъ отношеніи является главнымъ образомъ поэма „Тарасъ Бульба“, въ позднѣйшей его редакціи. Во всякомъ случаѣ, Н. В. Гоголь является однимъ изъ передовыхъ и видныхъ дѣятелей по южнорусскому фольклору.

Но на всѣхъ ступеняхъ своего развитія и усовершенствованія въ малорусскомъ фольклорѣ, Н. В. Гоголь всегда пользовался источниками малорусской народной словесности и поэзіи, лишь только какъ служебными вспомогательными средствами для своихъ литературныхъ работъ и сознательно подвергалъ ихъ значительной переработкѣ. Вслѣдствіе этого, малорусскій этнографическій элементъ встрѣчается въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя въ разрозненномъ, отрывочномъ видѣ, такъ что указать въ нихъ частичныя блестящія малорусской народной поэзіи и уловить ихъ подлинное происхожденіе иногда не очень легко. Но такіе приемы въ творествѣ Гоголя нужно оцѣнивать уже не съ этнографической точки зрѣнія, а съ чисто художественной.

Къ малорусскимъ повѣстямъ Гоголя относятся: „Сорочинская ярмарка“, „Басаврюкъ“ или „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Майская Ночь или утопленница“, „Пропавшая грамота“, „Ночь предъ Рождествомъ“, „Страшная мѣсть“, „Заколдованное мѣсто“, „Тарасъ Бульба“ и „Вій“. Къ нимъ можно бы отнести еще повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его

1) „Матеріалы“... Шенрока, т. III, стр. 533.

2) Тамъ же, стр. 212 и 254.

тетушка“ „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; но послѣднія три повѣсти примыкають уже къ бытовымъ повѣстямъ изъ мелкопомѣстнаго, а не простонароднаго быта.

1. Первое печатное литературное произведеніе Гоголя „Ганць Кюхельгартенъ“ написано было по образцу идилліи Фосса „Луиза“ и, какъ извѣстно, не имѣло успѣха. Неуспѣхъ этой подражательной идилліи побудилъ Гоголя обратиться къ отечественнымъ малорусскимъ сюжетамъ и, прежде всего, къ готовымъ уже малорусскимъ литературнымъ произведеніямъ, и въ нихъ искать себѣ элементовъ малорусской романтики. Получивъ отъ своей матери рукописныя комедіи своего отца „Овца—собака“ и „Романъ и Параска“, Н. В. Гоголь и воспользовался ими въ своихъ „Сорочинской ярмаркѣ“ и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, дополнивъ заимствованное отсюда нѣкоторыми извлеченіями изъ извѣстныхъ тогда печатныхъ малорусскихъ произведеній, какъ напр. „Энеиды“ Котляревскаго и стихотвореній Гулака-Артемовскаго. Всѣ почти эпилоги къ разнымъ главамъ „Сорочинской ярмарки“ Н. В. Гоголя взяты именно изъ сочиненій его отца, Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, а частью изъ народныхъ малорусскихъ преданій, сказокъ, пословицъ, пѣсенъ и т. п. Но все заимствованное Н. В. Гоголь подвергалъ значительной переработкѣ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такой переработки. Въ комедіи Гоголя отца—„Романъ и Параска“—выводится на сцену дьякъ Хома Григорьевичъ, въ качествѣ деревенскаго ловеласа, согласно съ бродячими малорусскими преданіями о дьякахъ ¹⁾. Подобный дьячекъ-ловеласъ является и у Н. В. Гоголя, но или съ другимъ именемъ ²⁾, или вовсе безъ имени ³⁾,

¹⁾ „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. Петрова, 1884 г., стр. 33 и 34.

²⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, подъ ред. Тихонравова, т. I, стр. 109.

³⁾ Тамъ же, стр. 138 и 139.

а любовная роль Хомя Григоровича у Гоголя-сына приписывается поповичу Афанасію Ивановичу ¹⁾. Но у Гоголя-сына дьячекъ Ома Григорьевичъ является не ловеласомъ, а занимательнымъ рассказчикомъ повѣстей изъ украинскаго быта: онъ упоминается и въ предисловіяхъ къ обѣимъ частямъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, и въ началѣ повѣстей „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Пропавшая грамота“ и „Заколдованное мѣсто“. И роль занимательнаго рассказчика придана Н. В. Гоголемъ Омѣ Григорьевичу, какъ сельскому дьячку, небезосновательно. По старымъ преданіямъ, сельскія громады, при выборѣ себѣ дьяковъ, требовали отъ нихъ юмора въ простонародномъ духѣ; для этого кандидатъ во дьячка долженъ былъ произнести съ колокольни передъ своими избирателями юмористическую рѣчь ²⁾. Романа и Параску въ повѣсти Гоголя-отца подъ этимъ названіемъ Н. В. Гоголь замѣнилъ въ своей „Сорочинской ярмаркѣ“ супругами Солопьемъ и Хиврей, имена которыхъ заимствованы, впрочемъ, Гоголемъ изъ басни Гулака-Артемовскаго „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози“. Эпизодъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“ о томъ, какъ у Солопія Черевика, вмѣсто выведенной на продажу кобылы его, въ рукахъ оказалась только узда ³⁾, по всей вѣроятности, появился подъ вліяніемъ превращенія овцы въ собаку въ комедіи Гоголя-отца „Овца—собака“ ⁴⁾. Вліяніе „Энеиды“ Котляревскаго на „Сорочинскую ярмарку“ покойный П. А. Кулишъ усматривалъ въ изображеніи Н. В. Гоголемъ парубка Голоцупенка, лихо пьющаго горѣлку, и прототипъ этого гуляки видѣлъ въ Энеѣ Котляревскаго, который—

Сивуху такъ, мовъ брагу, хлыще ⁵⁾.

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 20 и слѣд.

²⁾ „Кіевская Старина“, июнь, 1892 г., стр. 456 и 457.

³⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, подъ ред. Тихонравова, т. I, стр. 29 и 30.

⁴⁾ „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Н. И. Петрова, 1884 г., стр. 78 и 79.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 199.

Вообще о „Сорочинской ярмаркѣ“ нужно замѣтить, что въ ней весьма мало видно непосредственнаго знакомства Н. В. Гоголя съ народною жизнью и поэзіею, свѣдѣнія о которыхъ позаимствованы имъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, у предшествовавшихъ ему малорусскихъ писателей.

2. Сильнѣе пробивается народная струя въ слѣдующей, по времени, повѣсти Н. В. Гоголя: „*Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*“. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ бродячее преданіе о чародѣяхъ, представителемъ которыхъ является у Гоголя Басаврюкъ; это преданіе сходно, по содержанію, съ повѣстью Тика: „Чары любви“¹⁾; но оно обставлено у Гоголя подробностями изъ малорусскаго быта, малорусскихъ народныхъ преданій и вѣрованій, о которыхъ сообщала ему, по его просьбѣ, мать его Марья Ивановна. Въ 1829 году, во второмъ письмѣ изъ Петербурга, Гоголь просилъ мать прислать ему описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья временъ до-гетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе—самое подробное описаніе свадьбы и, наконецъ, рассказы о повѣрьяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прежде всего указывалъ на обряды коляды и объ Иванѣ Купалѣ²⁾. Въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г. Гоголь уже благодарилъ свою мать за доставку этихъ матеріаловъ, которые отчасти и вошли въ составъ новой его повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. Здѣсь мы находимъ и описаніе народныхъ костюмовъ на Петрусь и Пидоркѣ³⁾, и различныя повѣрья, напр., о цвѣтеніи папоротника въ ночь на Ивана Купала, о добываніи, при его посредствѣ, кладовъ⁴⁾, о необходимости челоуѣческой головы для добыванія клада⁵⁾, и, наконецъ, изображеніе свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ⁶⁾, и повѣрья о колдунахъ и

¹⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, подъ ред. Тихонравова, т. I, стр. 526—535.

²⁾ „Матеріалы“, Шеврока, т. I, стр. 176 и 258.

³⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 40 и 41.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 43—45.

⁵⁾ Тамъ же, I, стр. 45. См. „Кіевскую Старину“, ноябрь 1884 г., стр. 547.

⁶⁾ Тамъ же, т. I, стр. 46 и 47.

колдуньяхъ, о превращеніи чертовскихъ денегъ въ черепки ¹⁾ и проч. Въ двухъ мѣстахъ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ г. Шенрокъ видитъ почти буквальный перифразъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Такъвы слова Пидорки: „и родной отецъ врагъ мнѣ; неволить идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дяки пѣть, вмѣсто кобзь и сошилокъ: не пойду танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата!—изъ кленоваго дерева, и вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ“. Равнымъ образомъ и Петрусь выражается словами народныхъ пѣсенъ и думъ: „Будетъ и у меня свадьба: только и дяковъ не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто пона, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата“, и проч. ²⁾.

3. Повѣсть „*Майская ночь или утопленница*“, главнымъ образомъ, изображаетъ весеннія ночныя гулянья парубковъ и дивчатъ и развитіе нѣжныхъ отношеній между ними, съ различными перипетіями и препятствіями. Въ общихъ чертахъ эта повѣсть вѣрна малорусской дѣйствительности, хотя и разбавлена литературными вымыслами въ романтическомъ духѣ. Но гвоздемъ этой повѣсти служатъ малороссійскія народныя преданія и повѣрья о русалкахъ. Русалками становятся или утонувшія, или же мертворожденные и некрещенныя дѣти ³⁾. Въ повѣсти Гоголя русалкою становится дѣвица, дочь сотника, преслѣдуемая своею злою мачихою-вѣдьмой и выгнанная изъ дому своимъ роднымъ отцомъ; она кинулась въ воду и сдѣлалась русалкою ⁴⁾. Отношенія мачихи къ падчерицѣ рисуются у Гоголя согласно съ народнымъ представленіемъ о

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 49—51.

²⁾ „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 167, и т. III, стр. 533—535.

³⁾ „Кіевская Старина“, мартъ 1899 г., стр. 206 и 207.

⁴⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 55 и 56

нихъ ¹⁾). Мачиха, преслѣдуя свою падчерицу, превращается у Гоголя въ страшную черную кошку ²⁾, что вполне согласно съ повѣрьями малороссовъ о превращеніи вѣдьмъ въ разныхъ животныхъ и особенно въ кошекъ ³⁾. Русалки, по народнымъ представленіямъ, живутъ въ подводныхъ палатахъ и появляются на землѣ на зеленыхъ святкахъ, пасутся на островахъ, болотахъ, поляхъ и лѣсахъ, чаще всего бываютъ у воды, купаются здѣсь, бѣгаютъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши и проч. Онѣ „голы скрызъ, зѣ осокы косы“ ⁴⁾. Соответственно этимъ представленіямъ, и въ повѣсти Гоголя русалки водятъ хороводъ на берегу пруда и грѣются на мѣсяцѣ. „Въ тонкомъ серебрянномъ туманѣ мелькали дѣвушки легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ“. Между прочимъ, русалки начинаютъ игру въ ворона ⁵⁾; а описаніе этой народной игры составила Н. В. Гоголю его мать ⁶⁾.

4. „Пропавшая грамота“ есть фантастическая повѣсть, основанная съ одной стороны на легендарныхъ, съ другой на чисто народныхъ малорусскихъ преданіяхъ и повѣрьяхъ. Завязку чудеснаго элемента въ повѣсти составляетъ легендарное сказаніе о продажѣ человѣкомъ своей души чорту ⁷⁾, ведущее начало свое отъ сказанія о св. Василии и Евладіи ⁸⁾. Къ нимъ при-

¹⁾ „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Петрова, стр. 132 и 133.

²⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 56.

³⁾ „Кіевская Старина“, февраль 1901 г., стр. 220.

⁴⁾ Тамъ же, апрѣль 1890 г., стр. 83, и августъ 1899 г., стр. 207 и 208.

⁵⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 76.

⁶⁾ „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 262.

⁷⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 38 и сл.

⁸⁾ „Кіевская Старина“, декабрь, 1884 г., стр. 647 и слѣд.

бавлены еще Гоголемъ эпизоды изъ народныхъ повѣрій о шабашѣ вѣдьмъ, о поѣздкѣ запорожца на чортовомъ конѣ, о пляскѣ по хатѣ печки, выгонявшей вонъ лопатою горшки, лоханки и т. п. ¹⁾), эпизоды, въ цѣльномъ видѣ встрѣчающіеся и въ народныхъ малорусскихъ разсказахъ и воспроизведенные въ известномъ стихотвореніи А. С. Пушкина „Гусаръ“ ²⁾). Мотивы продажи души чорту и ѣзды на чортовомъ конѣ встрѣчаются и въ нижеслѣдующей повѣсти Гоголя.

5. „*Ночь передъ Рождествомъ*“. По содержанію своему эта повѣсть довольно сходна съ балладой Л. Боровиковскаго подъ заглавіемъ „Кузнецъ“. Въ нихъ обѣихъ повѣстуду встрѣчаются разсѣянными черты малорусскихъ народныхъ преданій, повѣрій и предрасудковъ. Въ началѣ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ“, въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ даже съ этнографическою точностію описываетъ малорусское колядованіе, отдѣльные моменты котораго изображаются затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ повѣсти ³⁾). По народнымъ повѣрьямъ, всякая нечисть становится безсильною въ Рождественскіе праздники ⁴⁾). Н. В. Гоголь въ своей повѣсти говоритъ, что наканунѣ Рождества чорту „последняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивагь грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, „побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу“ ⁵⁾). И у Гоголя, и въ малорусскихъ народныхъ представленіяхъ чортъ является въ видѣ пана, одѣтаго по-нѣмецки ⁶⁾). На свиданіе съ чортомъ у Гоголя

¹⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 88, 90 и 91.

²⁾ „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 290. См. сказку „Музыкантъ и Чортъ“ тамъ же, II, 77.

³⁾ „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Петрова, стр. 194—196; „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 99, 107, 108, 114, 115, 118, 119. См. „Кіев. Старину“, январь, 1889 г. стр. 236—242, августъ, стр. 410—417 и др.

⁴⁾ „Кіевская Старина“, январь, 1896 г. стр. 5 и 6.

⁵⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 10) и 102.

⁶⁾ Тамъ же; стр. 100. См. „Кіев. Стар.“, апрѣль 1890, стр. 83.

вылетаетъ изъ печной трубы вѣдьма, верхомъ на метлѣ, и по дорогѣ снимаетъ звѣзды съ неба и прячетъ ихъ, какъ вѣрить этому и простой народъ Малороссіи ¹⁾). Согласно съ повѣрьями народа, чортъ влетаетъ въ хату къ вѣдьмѣ на любовное свиданіе черезъ печную трубу ²⁾). Гоголевская вѣдьма Солоха—вдова кузнеца ³⁾), а къ кузнецамъ, особенно же старымъ, народъ по преимуществу прилагаетъ названіе колдуновъ ⁴⁾); слѣдовательно, признаніе Солохи вѣдьмою было какъ бы унасажденнымъ отъ мужа. Соперниками чорта въ любовныхъ отношеніяхъ къ Солохѣ являются обыкновенные смертные, ея односельчане: голова, дякъ и казаки Чубъ и Свербигузъ; первыхъ троихъ, по ихъ просьбѣ, Солоха прячетъ въ двухъ угольных мѣшкахъ ⁵⁾). Источниками этого эпизода въ повѣсти Гоголя могли служить народные рассказы „Дякъ Титъ Григоровичъ“ и „Гибель четырехъ поповъ“ ⁶⁾).

6. „*Страшная мѣсть*“. Фабула этой повѣсти слѣдующая. При Стефанѣ Баторіи жили въ Седмиградской странѣ два казака Иванъ да Петро, ставшіе побратимами между собою. Но Петро, позавидовавъ геройскому подвигу Ивана, по пути черезъ Карпаты, измѣннически столкнулъ Ивана съ его сыномъ-младенцемъ и съ конемъ въ провалъ, а когда Иванъ, схватившись за сукъ, хотѣлъ вылѣзть съ младенцемъ изъ провала, Петро столкнулъ его пикою на самое дно и затѣмъ воспользовался имуществомъ погубленнаго имъ побратима. Когда умеръ, въ свое время, и Петро, Богъ призвалъ обоихъ побратимовъ на судъ къ себѣ и предоставилъ Ивану выбирать казнь для своего вѣроломнаго побратима. Иванъ пожелалъ,

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 99 и 100. См. „Кіев. Стар.“ январь, 1890. стр. 8. и 60; сентябрь 1896 г. стр. 47; февраль, 1901 г., 224 и 225.

²⁾ Тамъ же, стр. 108. Ср. „Кіев. Старину“ сентябрь, 1889 г., стр. 398.

³⁾ Тамъ же, стр. 107, 108 и 109.

⁴⁾ См. „Кіевскую Старину“, декабрь 1889 г., стр. 583.

⁵⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 115—118 и др.

⁶⁾ „Матеріалы“ Шенрока, т. I, стр. 290.

чтобы все потомство Петра не имѣло на землѣ счастья, чтобы послѣдній въ его родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства чтобы дѣды и прадѣды его не находили покоя въ гробахъ, и чтобы, наконецъ, этотъ неслыханный злодѣй пришелъ на самую высокую гору къ нему Ивану, и чтобы онъ, Иванъ, бросилъ его съ той горы въ самый провалъ, гдѣ будутъ грызть его возмущенные его злодѣянiami предки и увеличивать его мученiя невозможностию отомстить Ивану. Такъ и случилось. Послѣдній представитель рода Петра былъ колдунъ, запятнавшiй себя безчисленными неописанными злодѣянiami. Онъ зарѣзалъ свою жену, обасурманился въ чужихъ краяхъ, измѣнилъ своему отечеству, убилъ зятя своего пана Данила Бурульбаша и затѣмъ своего внука, хотѣлъ соблазнить родную свою дочь, довелъ ее до сумасшествiя и наконецъ убилъ и ее. Видя приближенiе грозной развязки, колдунъ спѣшилъ въ Кiевъ къ святымъ мѣстамъ, чтобы тамъ спасти свою душу, но вмѣсто того увеличиваетъ сумму своихъ преступленiй и убиваетъ святого схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, не заслуживающимъ помилованiя. Невидимая сила влечетъ колдуна на Карпаты, гдѣ побратимъ Иванъ, въ видѣ таинственнаго всадника, поднимаетъ колдуна на воздухъ и бросаетъ въ глубокое провалье. „И до нынѣ стоитъ на Карпатѣ, на конѣ, дивный рыцарь и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащiй подъ землею мертвецъ растеть, гложеть въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю“.¹⁾

Значительную аналогiю этой повѣсти Гоголя представляетъ, по своему содержанию, поэма послѣдователя Гоголя—А. П. Стороженка, подъ заглавiемъ „Марко Проклятый“. Но народной легенды о своемъ героѣ г. Стороженко не нашель

¹⁾ „Сочиненiя Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 144 и слѣд.

въ цѣльномъ видѣ и по крупницамъ собиралъ обрывки ея въ теченіи болѣе 30-ти лѣтъ, воспользовавшись,¹⁾ повидимому, и повѣстью самого Гоголя. Равнымъ образомъ, и въ основѣ повѣсти Гоголя „Страшная мѣсть“ мы не видимъ какого-либо одного цѣльнаго апокрифическаго или легендарнаго сказанія, а тѣмъ болѣе какого-либо чисто народнаго южнорусскаго произведенія. Основной мотивъ ея встрѣчается въ древне-греческихъ сказаніяхъ объ Эдишѣ, которыя въ христіанскомъ мірѣ примѣнены были, въ легендарныхъ сказаніяхъ, къ Андрею Первозванному, Андрею Критскому и Григорію Двоеслову, получившимъ якобы прощеніе въ своихъ тяжкихъ преступленіяхъ послѣ раскаянія въ нихъ и подвиговъ поста и молитвы, а также выразились въ безымянной южнорусской легендѣ о кровосмѣсителѣ²⁾. Черта душегубства, приписываемая Гоголемъ герою своей повѣсти, находитъ параллель себѣ въ народной южнорусской сказкѣ о „великомъ грѣшникѣ“, который разбойничалъ и убивалъ народъ въ теченіе 12 лѣтъ, затѣмъ, „покаявшись, лѣтъ пять носилъ на себѣ 12 тяжелыхъ каменьевъ и прощенъ былъ за убіеніе народнаго притѣснителя— „сишаки“³⁾. Но въ повѣсти Гоголя нѣтъ преступнику прощенія ни въ земной жизни, ни въ загробной, и въ этомъ отношеніи она имѣетъ другія литературныя параллели. Завязкою и центральнымъ пунктомъ въ Гоголевской повѣсти является заключеніе побратимства между двумя козаками и вѣроломное нарушеніе этого побратимства однимъ изъ нихъ. Сказанія же о побратимствѣ особенно развиты у южныхъ славянъ и преимущественно у сербовъ⁴⁾. Подобный разсказъ существуетъ и въ малорусской народной литературѣ, подъ названіемъ „Живая могила“. Въ

¹⁾ „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Петрова, стр. 210.

²⁾ Тамъ же, стр. 247 и 219.

³⁾ „Кіевская Старина“, сентябрь 1884 г., стр. 174 и 175.

⁴⁾ „Историч. пѣсни Малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова, т. 1, Кіевъ, 1874 г.

ней тоже выводятся на сцену два побратима, сдѣлавшіеся отъявленными врагами другъ другу; развязка ихъ вражды тоже происходитъ въ могилѣ, и притомъ на Карпатскихъ горахъ¹⁾. Вѣроятно, этотъ или подобный бродячій рассказъ и легъ въ основаніе повѣсти Гоголя „Страшная месть“; но онъ обставленъ у Гоголя нѣкоторыми подробностями изъ малорусской жизни и поэзіи, каковы, напр., отрывки изъ малорусскихъ народныхъ пѣсень²⁾, описаніе старинной малорусской свадьбы³⁾, описаніе Кіева⁴⁾ и Днѣпра⁵⁾, повѣрья о колдунахъ⁶⁾, мавкахъ и русалкахъ⁷⁾, свѣдѣнія о бандуристахъ и ихъ пѣсняхъ⁸⁾ и др.

7. Въ повѣсти „Заколдованное мѣсто“ художественно изображеніе заколдованнаго поля съ лѣсомъ, съ неяснымъ очертаніемъ голубятни за нимъ, гумномъ, сѣрѣющимъ въ слабомъ освѣщеніи безлунной ночи, и дорожкой, затерянной среди могилъ. Здѣсь долго блуждалъ бѣдный дѣдъ, разыскивая кладъ, пока не откопалъ наконецъ какую-то гадость въ „казанѣ“ (котлѣ). Съ этимъ же мѣстомъ повѣсти связанъ и этнографическій ея интересъ, такъ какъ заколдованное поле Гоголя тождественно съ проклятыми или „обморочными“ мѣстами народныхъ рассказовъ. Обморочныя мѣста, по народнымъ понятіямъ, обладаютъ особой силой потемнять сознаніе случайно зашедшаго на нихъ человѣка до невозможности найти выходъ. Случается, что человѣкъ кружить на одномъ и томъ же мѣстѣ всю ночь или ищетъ воловъ, которые лежатъ здѣсь же возлѣ повозки. Обморочное мѣсто—проклятое, потому что на немъ „або вишалъ-

1) „Кіевская Старина“, октябрь, 1888 г., стр. 70 и слѣд.

2) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. 1, стр. 149, 175 и 555.

3) Тамъ же, стр. 144 и 145.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 169—170; см. „Матеріалы“, Шенрока, т. 1, стр. 167.

6) Тамъ же, стр. 145, 158 и др.

7) Тамъ же, стр. 175 и 176.

8) Тамъ же, стр. 181—184.

ныкъ, або утопленыкъ захованъ“, „на ему по-ночи шапка у гору иде и у день суморочно“. Въ народныхъ разсказахъ обморочныя мѣста не связаны необходимо съ кладами, которыхъ можетъ въ нихъ и не скрываться, и что на такія мѣста чаще наводятъ особые полночные духи — полуничка, мара или черти въ различныхъ образахъ ¹⁾).

8. Повѣсть „Тарасъ Бульба“ основана, главнымъ образомъ, на письменныхъ источникахъ, а именно лѣтописяхъ и историческихъ сочиненіяхъ Боплана, Гуманскаго, псевдо-Конискаго, Стрыйковскаго, князя Мышецкаго, Шерера и др. ²⁾; но при новыхъ передѣлкахъ этой повѣсти Н. В. Гоголь въ значительной мѣрѣ воспользовался и малорусскими народными думами и пѣснями. Такъ, напр., о сборѣ охочеконныхъ козаковъ Гоголь говоритъ такъ: „кромѣ рейстровыхъ козаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочеконныхъ: стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: „эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболобы! полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать козацкой славы“ ³⁾). Это мѣсто представляетъ переложеніе, съ необходимыми сокращеніями, въ прозу начальныхъ стиховъ думы о Коновченкѣ по тексту, изданному Лукашевичемъ въ его сборникѣ „Малоросійскія и червонорусскія народныя

¹⁾ „Кіевская Старина“, сентябрь 1897 г., стр. 55 и 56.

²⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонова, т. 1, 569—576, 655, и 656, 661—664.

³⁾ Тамъ же, стр. 252 и 253.

думы и пѣсни“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ „Тараса Бульбы“, въ новой его редакціи, Гоголь такъ выражается о народныхъ источникахъ своей повѣсти: „свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже не поющихя болѣе на Украинѣ бородатыми старцами слѣщами въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа“²⁾. Разсказъ о томъ, какъ Закрутыгуба (Мосій Шило) притворнымъ принятіемъ магометанства освободилъ своихъ товарищей козаковъ изъ неволи, съ галеры, выступившей изъ Трапезонта³⁾, основанъ на обширной думѣ о Самойлѣ Бишкѣ, по сборнику Лукашевича⁴⁾. Въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“ прощаніе матери съ сыновьями, отправляющимися на войну⁵⁾, заимствовано изъ народной пѣсни⁶⁾. Въ восьмой главѣ, въ изображеніи козацкой славы⁷⁾, есть нѣкоторые мотивы козацкой думы „Походъ на поляковъ“⁸⁾. Въ девятой главѣ „Тараса Бульбы“, въ позднѣйшей редакціи, прибавлены Гоголемъ слѣдующія слова: „и какъ грянула она (пушка), а за нею слѣдомъ три другія, четырехкратно потрясши глухо-отвѣтную землю,—много нанесли онѣ горя! Не по одному козаку взрыдаеть старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будеть, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждого изъ нихъ въ очи, нѣтъ-ли между ихъ одного, милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ че-

1) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. 1, стр. 570 и 571.

2) Тамъ же, стр. 249 и 572.

3) Тамъ же, стр. 333.

4) Тамъ же, стр. 652.

5) Тамъ же, стр. 257.

6) „Матеріалы“, Шенрока, т. 1, стр. 167.

7) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. 1, стр. 327.

8) Тамъ же, стр. 688.

резь городъ всякого войска и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ“¹⁾). Эта прибавка представляетъ обработку отрывковъ изъ разныхъ малорусскихъ думъ и пѣсень. Начало ея обнаруживаетъ подражаніе слѣдующимъ стихамъ пѣсни „о выходѣ на линію“:

У Глуховѣ у городѣ стрельнули въ гарматы;

Не по одномъ козаченьку заплакала мати.

Конецъ прибавки напоминаетъ пѣсню „Иванъ Коновченко“, которою Гоголь уже воспользовался для характеристики охочекомонныхъ²⁾). Въ десятой главѣ вѣрный товарищъ Тараса Бульбы, спасая его отъ смерти въ степи³⁾, выражается при этомъ словами южнорусскихъ народныхъ пѣсней⁴⁾.

9. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ заглавію своей повѣсти „*Vii*“ Гоголь говоритъ слѣдующее: „*Vii*“ есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнять его и рассказываю *почти* въ такой же простотѣ, какъ слышалъ“⁵⁾). Впрочемъ, въ началѣ повѣсти Гоголя обнаруживается нѣкоторое вліяніе „Бурсака“ Нарѣжнаго; но главная часть повѣсти, рассказывающая о ѣздѣ бурсака на вѣдьмѣ, смерти вѣдьмы, чтеніи надъ ней бурсакомъ псалтыри въ церкви и о гибели бурсака дѣйствительно основана на народныхъ сказаніяхъ. Въ основѣ повѣсти Гоголя лежатъ собственно два народныхъ преданія: объ упырѣ или вѣдьмѣ и о Віи.

Преданія о смерти вѣдьмы и чтеніи надъ ней псалтыри, легшія въ основаніе „Вія“, принадлежатъ къ числу весьма

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 332.

²⁾ Тамъ же, стр. 653 и 654. См. „Матеріалы“ Шенрока, т. II, стр. 152 и 133.

³⁾ Тамъ же, стр. 342.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 689.

⁵⁾ Тамъ же.

популярныхъ, встрѣчающихся у разныхъ европейскихъ народовъ¹⁾. Въ южнорусской народной литературѣ наиболѣе приближаются, по своему содержанію, къ Гоголевской повѣсти „Вій“ народные рассказы „о дьячкѣ и вѣдьмѣ“, „Упірь и Миколай“ и „Видьма та видмакъ“²⁾, послѣдняя преимущественно въ редакціи, записанной г. Ивановымъ³⁾.

Но въ повѣсти Гоголя „Вій“ есть та особенность, отличающая ее отъ параллельныхъ южнорусскихъ рассказовъ, что герой ея, бурсакъ Хома Бруть, погибаетъ во время чтенія псалтыри надъ вѣдьмой, и при томъ не отъ самой вѣдьмы непосредственно, а отъ страшнаго Вія, эпизодически введеннаго въ эту повѣсть. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанья и представляется приземистымъ, коренастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимаютъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ эти черты Вія приписываются полуисторическому, полупоэтическому шелудивому Буняку⁵⁾. Въ повѣсти же Гоголя Вій является въ своемъ первоначальномъ, мифическомъ, стихійномъ значеніи и подготавливаетъ трагическую участь бурсаку, герою повѣсти.

Мы далеко не исчерпали всего южнорусскаго этнографическаго элемента въ произведеніяхъ Гоголя и ограничились только указаніемъ наиболѣе крупныхъ проявленій его въ ран-

1) „Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя Вій“, Н. О. Сумцова, въ „Кіевской Старинѣ“, мартъ 1892 г., стр., 472 и слѣд. См. Матеріалы Шенрока, II, стр. 14 и слѣд.

2) „Матеріалы“, Шенрока, т. 1. стр. 291.

3) „Кіевская Старина“, мартъ 1892 г., стр. 473—475.

4) „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, Аванасьева, т. 1, глава 4.

5) „Кіевская Старина“, августъ 1887 г., стр. 691, и августъ 1891 г. стр. 302 и слѣд.

нихъ произведеніяхъ нашего писателя. Какое же значеніе имѣеть этотъ элементъ въ общемъ развитіи художественнаго творчества Гоголя?

По нашему мнѣнію, повѣсти Гоголя изъ малорусскаго быта или съ малорусскимъ этнографическимъ колоритомъ представляютъ собою только цвѣтъ въ поэтической дѣятельности Гоголя, совершенно, однакоже, необходимый для вызрѣванія плода. Это—такъ называемый романтическій періодъ юности въ творчествѣ Гоголя. Лучшій изъ біографовъ Гоголя—Шенрокъ говоритъ, что эпизоды изъ произведеній южнорусской народной фантазіи даже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя являются лишь внѣшнею, позаимствованною совнѣ декораціею, тогда какъ самое оригинальное въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя есть элементъ описательный, или бытовой. „Все, что относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ—говоритъ онъ—всѣ подробности въ изображеніи обыденной малоросійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполне самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни.“

Современная критика не безъ основанія указывала въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя и особенно въ „Вечерахъ“ на изображеніе довольно узкой и низменной сферы; но за то эту сферу Гоголь изучилъ глубоко, и въ каждомъ, брошенномъ мимоходомъ, тонкомъ и характеристическомъ сравненіи являетъ себя истиннымъ знатокомъ ея. Нѣтъ пока у Гоголя и глубоко-художественнаго, психологическаго анализа, которымъ блещутъ его позднѣйшія произведенія; комизмъ его пока чисто внѣшній и устремленъ на вещи несущественныя. „Не ожидайте здѣсь характеровъ сильныхъ или слишкомъ глубокихъ—писалъ рецензентъ „Съверной Пчелы“,—потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но за то бытъ сей харак-

терень во всѣхъ подробностяхъ своихъ; все движется, все рисуется передъ вами въ истинно-козацкомъ костюмѣ“¹⁾).

Но слѣдить за бытовою стороною въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя уже не входитъ въ нашу задачу.

Ж. Петровъ.

1-го октября 1901 года.

¹⁾ „Матеріалы“, Шепрока“, т. 1, 266 и слѣд.